

УДК 821.111-6
ББК 83.3(4Вел)-8
Т52

Серия «Толкин — творец Средиземья»

J.R.R. Tolkien
THE LETTERS OF J.R.R. Tolkien

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.

Под редакцией Кристофера Толкина, Хамфри Карпендера

Перевод с английского С.Б. Лихачевой

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

В оформлении обложки использована работа,
представленная фотоагентством «Getty Images Entertainment»

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Настоящее издание, исправленное и дополненное, включает в себя поправки к Указателю К. Скалл и У. Хэммонда. Переводчик благодарит Д. Дагана, К. Скалл, У. Хэммонда и М. Артамонову за ценнейшие лингвострановедческие разъяснения, а также И. Хазанова, К. Пирожкова и Н. Дратинскую за помощь с вычиткой текста второго издания.

Толкин, Джон Рональд Руэл.

Т52 Письма / Джон Р.Р. Толкин ; [пер. с англ. С.Б. Лихачевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 752 с. — (Толкин — творец Средиземья).

ISBN 978-5-17-110460-3

В книгу вошли письма, созданные в период с октября 1914-го (начало обучения будущего писателя в Оксфордском университете) по август 1973-го (год смерти Джона Р.Р. Толкина). Хамфри Карпендер, биограф Толкина, из огромного эпистолярного наследия автора Средиземья отобрал для этого сборника письма, в которых речь так или иначе шла о творчестве.

УДК 821.111-6
ББК 83.3(4Вел)-8

Предисловие

Ближе к концу жизни у Дж. Р. Р. Толкина на несколько недель отказала правая рука. «Оказывается, не имея возможности пользоваться карандашом или ручкой, чувствуешь себя беспомощным, словно курица, оставшаяся без клюва», — жаловался он издателю.

Грандиозный объем времени Толкина поглощало письменное слово: и не только его научные работы и рассказы о «Средиземье», но также и письма. Многие из этих писем носят деловой характер; однако при всем при том в большинстве случаев писание писем было одним из его излюбленных занятий. В результате Толкин оставил после себя огромное количество писем; и когда я с помощью Кристофера Толкина начал работу над этой подборкой, стало очевидно, что значительное количество материала придется опустить и в книгу войдут только отрывки, представляющие особый интерес. Естественно, что предпочтение отдавалось тем письмам, в которых Толкин рассуждает о собственных книгах; однако подборка составлялась еще и с целью продемонстрировать широту толкиновских интересов и мыслей и его хотя и своеобразный, но неизменно четкий и ясный взгляд на мир.

Опущен, в частности, обширный корпус писем, написанных Толкином в промежуток между 1913 и 1918 гг. к Эдит Брэтт, его невесте и впоследствии жене; эти письма носят ярко выраженный личный характер; из них я отобрал только несколько абзацев, имеющих отношение к сочинениям, над которыми Толкин в то время работал. Из числа писем, написанных между 1918 и 1937 гг., сохранилось очень немного, а в тех, что остались, ничего (к сожалению) не говорится о работе Толкина над «Сильмариллионом»

и «Хоббитом», создание которых относится именно к этому периоду. Зато начиная с 1937 г. и далее вплоть до конца жизни следует непрерывная череда писем, зачастую весьма подробных, рассказывающих о том, как писался «Властелин Колец», и о дальнейшей работе над «Сильмариллионом» и зачастую содержащих интересные рассуждения о смысле его сочинений.

В письмах, отобранных для публикации, все пропуски отмечены многоточием из *четырёх* точек, вот так: <....>. Там, где стоит многоточие из *трех* точек, этот знак употреблен самим Толкином. Практически во всех случаях сокращения сделаны исключительно по причине экономии места; лишь в очень редких случаях пришлось делать купюры из соображений конфиденциальности.

Тексты оригиналов писем оставались безо всяких изменений, за исключением адреса и даты (их написание унифицировалось по всей книге) и за исключением названий толкиновских книг. Сам автор использовал не одну систему написания названий: например, *the Hobbit*, *the 'Hobbit'*, *The Hobbit*, *'the Hobbit'*, *'The Hobbit'**; то же и с «Властелином Колец». В целом, при подготовке текстов к изданию названия были упорядочены в соответствии с общепринятой системой, хотя исходная форма сохранялась там, где она представляет интерес.

Ряд писем воспроизведен с копий «под копирку», сохраненных Толкином; он начал печатать письма под копирку только ближе к концу жизни; этим объясняется тот факт, отчего от более ранних писем не осталось никаких следов, разве что удастся отыскать сами оригиналы. Прочие письма в книге перепечатаны с черновика или черновики, отличающихся от текста, в итоге отосланного (если Толкин вообще его отсылал), и в ряде случаев последовательный текст комбинировался из отдельных черновых отрывков: в таких случаях письмо озаглавлено «Черновики». Наличие множества таких черновики среди его корреспонденции и то, что многие из них довольно длинные, отчасти объясняет сам Толкин в письме к сыну Майклу: «Слова рождают слова, а мысли разбегаются <....>. «Лаконичности» как «вида искусства» мне удастся

* В русском переводе большинство данных вариаций (артикуль в пределах или за пределами кавычек, с большой или с маленькой буквы) по очевидным причинам не сохранилось.

достичь лишь изредка, посредством вырезания 3/4 или более уже написанного, что, разумеется, на самом деле отнимает куда больше времени и труда, нежели сочинительство “без ограничений”».

Там, где приводится лишь выдержка из письма, адрес и приветствие в начале письма опускаются вместе с заключительной частью и подписью; в таких случаях ставился заголовок: «Из письма к ...». Все сноски к письмам — самого Толкина*.

Там, где я считал необходимым, я предварял письма краткой справкой, поясняющей содержание переписки. Все прочие примечания приводятся в конце книги; о наличии такого примечания свидетельствует цифровая пометка в тексте**. Примечания последовательно пронумерованы внутри письма и в конце книги приводятся под номером каждого отдельного письма (а не постранично). Примечания составлены по принципу предоставления той информации, что необходима для понимания текста, но при этом составитель стремился также и к краткости, предполагая, что читатель хорошо знаком с «Хоббитом» и «Властелином Колец». Поскольку последняя книга неоднократно публиковалась в разных изданиях, с разной нумерацией страниц, ссылки Толкина в тексте писем на определенные страницы поясняются в примечаниях, и там же приводится цитата из упомянутого им отрывка.

В редакторских примечаниях названия четырех книг приводятся в сокращенном виде: «Рисунки», «Неоконченные предания», «Биография», «Инклинги». Полностью названия звучат как: «Рисунки Дж. Р.Р. Толкина», с предисловием и примечаниями Кристофера Толкина (1979); Дж. Р.Р. Толкин, «Неоконченные предания», под редакцией Кристофера Толкина (1980); Хамфри Карпентер, «Дж. Р.Р. Толкин: Биография» (1977); и Хамфри Карпентер, «Инклинги» (1978). Все четыре книги в Британии опубликованы издательством «Джордж Аллен энд Анвин», а в Америке — издательством «Хоутон-Мифлин».

* В русском переводе постраничные сноски за авторством Толкина снабжены пометкой: «Примеч. авт.». Все прочие постраничные сноски, главным образом страноведческого характера, написаны переводчиком.

** В квадратных скобках. Таким образом, в настоящей книге присутствует три разновидности примечаний: постраничные авторские сноски (отмеченные как таковые), постраничные сноски от переводчика и примечания от издателя (Х. Карпентера) в конце книги.

«Разделение труда» между мною и Кристофером Толкином сводилось к следующему. Сам я собрал и расшифровал все письма и осуществил первоначальный отбор; он откомментировал подборку и записи и высказал ряд предложений касательно поправок, которые мы обсудили уже вдвоем и приняли в той или иной форме. Затем мы обнаружили, что из соображений места необходимо безжалостно сократить текст; и вновь сперва я предлагал, что именно следует вырезать, затем он комментировал мои предложения, и мы принимали окончательное решение. То же и с примечаниями: я писал исходный текст, он снова комментировал то, что я сделал, и предоставлял отдельные дополнительные сведения. Таким образом, книга в опубликованном виде отражает мои собственные вкусы и суждения в большей степени, нежели его; но при этом сборник — продукт нашей совместной работы; и я бесконечно признателен Кристоферу Толкину за многие затраченные часы и за то, что он направлял и воодушевлял меня.

И наконец я, разумеется, искренне признателен тем многим людям, что ссудили мне письма. Большинство их отмечены в книге: их имена фигурируют в качестве получателей писем; в тех нескольких случаях, когда письма были мне предоставлены, а в книгу не вошли, я должен поблагодарить заинтересованных лиц и извиниться перед ними за то, что их письмо или письма не удалось включить из-за нехватки места. Я должен также поблагодарить ряд организаций и частных лиц, оказавших мне помощь: членов «Толкиновского общества Великобритании», «Американское толкиновское общество» и «Мифопическое общество», оповестивших о нашем желании разыскать письма и в ряде случаев сведших нас с владельцами писем; Письменные архивы Би-би-си, Бодлианскую библиотеку, «Оксфорд юниверсити пресс» и их Словарный отдел, «Исследовательский гуманитарный центр» Техасского университета в Остине и «Собрание Уэйда» в Уитон-Колледже, штат Иллинойс, предоставившие нам письма; ряд душеприказчиков (в частности, преп. Уолтера Хупера) и других людей, помогавших нам в розысках писем, адресованных людям, ныне покойным; и, наконец, Дугласа Андерсона, великодушно оказывавшего всевозможную помощь в подготовке книги. Он и Чарльз Ноуд любезно согласились вычитать корректуру.

Невзирая на объем данного тома и огромное количество собранных нами писем, не приходится сомневаться в том, что значительная часть эпистолярного наследия Толкина до сих пор не найдена. Читателей, которым известно о других письмах Толкина, возможно, заслуживающих публикации, просят связаться с издателями этой книги; есть надежда, что эти письма удастся включить во второе издание.

ХАМФРИ КАРПЕНТЕР

Письма Дж. Р. Р. Толкина

1 К Эдит Брэтт

[В январе 1913-го, в возрасте двадцати одного года, Толкин заключил помолвку с Эдит Брэтт, с которой познакомился еще подростком в Бирмингеме. Нижеприведенное письмо было написано им на последнем курсе в Оксфорде: Толкин учился на факультете английского языка и литературы и в то же время проходил военную подготовку в Университетском корпусе подготовки офицеров перед вступлением в армию.]

[Дата не проставлена; октябрь 1914]
Эксетер-Колледж, Оксфорд

Лапушка моя Эдит!

Да, я изрядно удивился твоей открытке, датированной сб. утром, и огорчился тоже: я ведь знал, что моему письму придется отправиться кружным путем вслед за тобою*. Ты пишешь мне такие чудесные письма, маленькая моя; а я-то обхожусь с тобою просто по-свински! Кажется, вот уже сто лет не писал. Уик-энд выдался ужасно хлопотный (и страшно дождливый!).

Пятница прошла совершенно бессобытийно, и суббота тоже, хотя всю вторую половину дня мы занимались муштрой, несколько раз вымокли до костей, и винтовки наши все заляпались, мы их потом до скончания века начищали.

* Эдит переехала на другое место; Толкин, не зная ее нового адреса, послал письмо на прежний адрес, надеясь, что его перешлют по назначению. (Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, постраничные примечания переводчика).

Оставшиеся дни я по большей части провел под крышей, за чтением: мне надо было написать эссе, — помнишь, я тебе рассказывал? — но закончить я не успел: явился Шекспир, а вслед за ним (лейтенант) Томпсон [1] (пышущий здоровьем и довольный, в новехонькой форме) и помешали мне потрудиться в день воскресный, как я собирался <....>. Сходил в Св. Алоизия на торжественную мессу, — получил изрядное удовольствие, — вот уж сто лет мессы не слушал; на прошлой неделе, когда я был в Оратории, О.Ф. [2] меня так и не отпустил.

Вечером *пришлось-таки* нанести визит вежливости ректору [3]: скука смертная! Жена у него — сущий кошмар! Сбежал, как только смог, и со всех ног помчался под дождем назад, к книгам. Потом заглянул к мистеру Сайзему [4] и сказал, что эссе никак не смогу закончить раньше среды; немного посидел у него, мы потолковали, потом я ушел, и у меня состоялся крайне интересный разговор с этим чудаком Эрпом [5], — помнишь, я тебе рассказывал? — я познакомил его (к вящей его радости) с финскими песнями «Калевала».

Помимо всего прочего, я пытаюсь переложить одно из преданий — великолепнейший сюжет и самый что ни на есть трагический, — в виде небольшой такой повести, отчасти в духе романов Морриса, со стихотворными вставками тут и там <....>. [6]

А теперь пора мне отправляться в библиотеку колледжа и хорошенько изгваздаться среди пыльных книжек, а потом схожу загляну к казначею. <....>

Р. [7]

2 Из письма к Эдит Брэтт

27 ноября 1914

С утра поработал часа четыре или около того (9.20–1); всю вторую половину дня занимался муштрой, 5–6 — лекция, а после ужина (с одним приятелем по имени Эрп) пришлось заглянуть на заседание Эссеистского клуба — неофициальное прощание, так сказать [?]. Доклад оказался скверным, дискуссия — интересной. На том заседании была еще литмастерская; я прочел «Эарендела»; его с толком раскритиковали [1].

3 Из письма к Эдит Брэтт

26 ноября 1915

[Закончив Оксфорд (факультет английского языка) с отличием первого класса, Толкин получил назначение в полк ланкаширских стрелков. Это письмо написано в лагере Руджли в Стаффордшире; там Толкин проходил военную подготовку. В это время Толкин работал над стихотворением «Кортирион среди деревьев», навеянным Уориком, где жила Эдит Брэтт. В стихотворении описывается «угасающий на холме град», где «еще медлят Последние Отряды <....> священных фэйри и бессмертных эльфов». О ЧКБО см. письмо № 5].

Самое обычное утро: сперва ты на ногах и замерзаешь до костей, а потом — пробежка, чуть-чуть согреешься, но только затем, чтобы замерзнуть снова. И под занавес — целый час отработывали метание учебных гранат. Ланч и морозный вечер. Летом в жару мы целыми днями бегали на полной скорости взад-вперед, обливаясь потом, а сейчас вот стоим как вкопанные заледеневшими группками на ветру, пока нам что-то втолковывают! Чай, очередная свалка, — я пробился к плитке и поджарил себе кусочек тоста на кончике ножа; ну и деньки! Сделал карандашную копию «Кортириона». Ты ведь не возражаешь, если я пошлю ее ЧКБО? Так хочется что-нибудь им послать; я им всем задолжал по длинному письму. А теперь начну переписывать поэму набело чернилами для моей маленькой; отошлю завтра вечером; не думаю, что разживусь второй машинописной копией (уж больно стих длинный). Нет, по зрелом размышлении посылаю тебе карандашный вариант (он вполне разборчив), а ЧКБО пусть подождут, пока не сделаю еще один.

4 Из письма к Эдит Брэтт

2 марта 1916

Нынче вечером, пока за окном моросит мерзкий дождик, взялся перечитывать старые лекции по военному делу; через полтора часа соскучился. Добавил штрих-другой к моему дурацкому языку фэйри — к вящей пользе последнего [1].

Меня частенько страх как тянет поработать над ним, а я себе не позволяю; я его, конечно, ужасно люблю, но уж больно ненормальное это хобби!

5 К Дж. Б. Смит

[В 1911 году, обучаясь в бирмингемской школе короля Эдуарда, Толкин и трое его друзей, Роб Гилсон, Джеффри Смит и Кристофер Уайзмен, создали неофициальный полутайный клуб под названием ЧКБО — эта аббревиатура расшифровывалась как «Чайный Клуб и Барровианское общество» и намекала на их «незаконные» чаепития в школьной библиотеке и в универсаме Бэрроу рядом со школой. Закончив школу, члены ЧКБО продолжали тесно общаться; в декабре 1914 г. на лондонской квартире Уайзмана состоялся «Совет», после которого Толкин с энергией взялся за сочинение стихов; сам он считал, что это — следствие общности идеалов и взаимной поддержки в ЧКБО. На тот момент Уайзмен служил в военно-морском флоте, Гилсон и Смит были отправлены на Сомму; сам Толкин прибыл на те же позиции как связист в составе 11-го батальона ланкаширских стрелков как раз к тому моменту, как 1 июля войска союзников пошли в наступление. В тот день Роб Гилсон погиб в бою, однако остальные члены ЧКБО узнали о его смерти лишь спустя несколько недель. Джеффри Смит сообщил об этом Толкину в коротенькой записке, а позже переслал ему письмо от Кристофера Уайзмана.]

12 августа 1916

11-й батальон ланкаширских стрелков, БЭВ*, Франция

Дорогой мой старина Джеффри!

Огромное спасибо за письмо Кристофера. Я с тех пор много передумал — и мысли эти по большей части в слова не облечешь, до тех пор, пока Господь снова не сведет нас вместе, хотя бы ненадолго.

Я не согласен с Крисом — хотя, конечно же, Крис не то чтобы многословен. От всей души соглашаюсь с подчеркнутыми тобой абзацами, — и, как ни странно, никоим образом — с той частью, что сам я отметил и прокомментировал. Я ходил в лес — мы опять

* Британские экспедиционные войска.

стоим лагерем, после второй вылазки в окопы, причем в том же самом месте, где мы с тобой встретились, — и вчера вечером, и накануне тоже, и долго сидел там и думал.

Не могу избавиться от твердой уверенности, что не следует ставить знак равенства между тем величием, что снискал себе Роб, и величием, в котором сам он сомневался. Робу отлично ведомо, что я абсолютно искренен и никоим образом не предаю свою любовь к нему, — а любовь эту я теперь, когда его в нашей четверке не стало, с каждым днем осознаю все отчетливее, — говоря, что ныне я верю: если величие, которое со всей отчетливостью подразумевали мы трое (подразумевали как нечто большее, нежели только святость или только благородство) и в самом деле удел ЧКБО, то смерть одного из членов клуба — не более чем жестокий отсев тех, кто для величия не предназначен, по крайней мере в прямом смысле этого слова. Дай Господи, чтобы это не прозвучало самонадеянностью, — воистину, сейчас смирения у меня поприбавилось: я ощущаю себя куда более слабым и жалким. Величие, о котором я говорю, — это величие могучего орудия в руках Господних: величие вдохновителя, деятеля, свершителя великих замыслов или хотя бы зачинателя деяний крупных и значимых.

Величие, обретенное Робом, ничуть не меньшее, — ибо то величие, что я разумел, на которое с трепетом уповал для нас всех, ничего не стоит, не будучи подкреплено святостью отваги, страдания и самопожертвования, — просто оно иного рода. Иными словами, его величие теперь близко касается нас всех, — отныне нам предстоит чтить первое июля на протяжении всех лет, отпущенных каждому из нас Господом, — но ЧКБО затрагивает только в том конкретном аспекте, который, возможно, — не исключаю такой вероятности, — только и был доступен Робу: «дружба с энной силой». Что я имел в виду, и что, как мне показалось, имел в виду Крис, и что, как я почти уверен, разумел ты, сводится к следующему: ЧКБО дарована некая искра, — как общности — безусловно, если не каждому в отдельности, — искра, способная зажечь в мире новый свет или, что то же самое, возродить прежний; ЧКБО призвано свидетельствовать о Господе и Истине более явно и прямо, нежели даже пожертвовав жизнями нескольких своих членов в этой войне (которая, невзирая на все зло с нашей стороны, по большому счету является борьбой добра против зла).

Меня не покидает ощущение, будто что-то с треском рухнуло. По отношению к вам обоим чувства мои несколько не изменились — я еще ближе к вам, чем прежде, и очень в вас нуждаюсь, и, конечно же, мучаюсь жаждой и одиночеством, — но я больше не ощущаю себя частью маленького цельного сообщества. Мне действительно чудится, что ЧКБО пришел конец, — однако не поручусь, что это сомнительное ощущение не исчезнет, словно по волшебству, стоит нам опять собраться вместе. И все же на данный момент я чувствую себя просто отдельно взятым человеком, обрабатываемым скорее чувствами, чем мыслями, и при этом совершенно беспомощным.

Да, ЧКБО, возможно, воплощало все наши мечты — и в итоге труды его закончат трое или двое уцелевших, или даже один, а роль прочих Господь отведет тому вдохновению, что, как мы отлично знаем, мы обретали и продолжаем обретать друг в друге. На это возлагаю я ныне все свои надежды и молю Господа, чтобы избранных, призванных продолжить дело ЧКБО, оказалось не меньше, чем мы трое. <....>

Однако же все это внушает мне ужас и горе — в придачу к собственным моим печалям, — поскольку пока что я не в силах отказаться от надежд и стремлений (зарождающихся и смутных, знаю сам), впервые осознанных на лондонском Совете. В моем случае, как ты знаешь, в результате Совета я обрел голос для выражения всего того, что до сих пор сдерживалось и накапливалось, для меня словно открылись необозримые горизонты, — я всегда относил это за счет того вдохновения, что неизменно давали нам всем даже несколько часов, проведенных вчетвером.

Ну вот, пожалуйста: я со всей серьезностью сел и попытался сухо изложить тебе свои мысли. Я старался, чтобы все это звучало по возможности холодно и отстраненно, — а если и вышло бесвязно, так лишь потому, что писалось это в несколько приемов среди шума и гвалта прескучной ротной столовки.

Перешли это Крису, если сочтешь, что оно того стоит. Не знаю, куда мы двинемся теперь и что нас ждет. Слухи так и бурлят — насколько позволяет всеобщая усталость этой войны. Жаль, я не знаю, где ты. Хотя, конечно, догадываюсь.

Я мог бы написать длиннее письмо, да только дел невпроворот. Офицер связи жаждет затащить меня на совещание; а еще